

11. Коротаев, В. Обсуждается повесть земляка / В. Коротаев // Вологодский комсомолец. – 1966. – 19 июня.
12. Кузнецов, Ф. Боль и совесть нашей деревни / Ф. Кузнецов // Правда. – 2007. – 23–24 октября.
13. Кузнецов, Ф. Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе / Ф. Кузнецов // Правда. – 1967. – 3 марта.
14. Неволлина, О.Ю. «Привычное дело» В.И. Белова: из истории публикации и критики / О.Ю. Неволлина // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Вологда: Легия, 2011. – Ч. 8.
15. Петелин, В. Мой XX век. Счастье быть самим собою / В. Петелин. – М.: Центрполиграф, 2010.
16. Петелин, В. О светлом и горьком / В. Петелин // Огонек. – 1966. – № 29.
17. Романов, А. Наши творческие поиски / А. Романов // Красный Север. – 1967. – 26 января.
18. Теракопян, Л. Простые заботы / Л. Теракопян // Дружба народов. – 1966. – № 12.
19. Тимошкина, О.С. «Василию Белову передайте...» / О.С. Тимошкина // Север. – 2000. – № 5–6.
20. Троицкий, П. Многообразие поиска / П. Троицкий // Известия. – 1967. – 22 января.

С.Х. Головкина
ВоГУ, г. Вологда

МИР КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Повесть «Привычное дело» стала одним из первых произведений В.И. Белова, отражающих жизнь крестьянской семьи 60-х годов XX века. Это попытка «художественного постижения социальных, нравственно-философских аспектов истории и современного состояния семьи, родственных отношений, супружеской любви и семейного воспитания» [3, с. 6]. При этом автор не ограничивается описанием идеальных отношений, он осмысляет причины разрушения семейных ценностей на фоне изменений, происходящих в городе и деревне.

Гармония супружеских отношений и материнское начало – вот основа формирования полноценной семьи. Связь мужа и жены мыслится писателем как духовное единение любящих друг друга людей, которые, как в народе говорится, «живут рука в руку, душа в душу» [2, с. 69]. Одной физической близости недостаточно. Для настоящей («горячей») любви необхо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности».

димо родство душ, теплота в отношениях. В повести Белова раскрывается оппозиция «горячая – холодная» любовь. С Катериной была у Ивана Африкановича любовь «горячая», взаимная, глубокая («Вот с Катериной – горячая любовь» [1, с. 21], «уйдет она в поле, на ферму ли, ему будто душу вынет» [1, с. 22]). Дрынову было с чем сравнивать, ведь первая его женитьба «не по любви», а по воле матери и обстоятельств, свела его с «молчаливой девкой из дальних заозерных мест» [1, с. 21]. Семья не сложилась, «у них была холодная любовь: дети не рождались» [1, с. 21].

Упоминания о физическом контакте довольно редки: ворчание тещи о том, что им бы с Катериной только обниматься; воспоминания Катерины о первых месяцах замужества; скудные описания проявления ласки Катерины к мужу («провела ладонью по жесткой щеке Ивана Африканович, но он уже спал» [1, с. 59]). Чувство любви и нежности не облачается героями в слова, понятно им без объяснений, любящие становятся единым организмом, а потому ощущают и думают одинаково. Особенно ярко это проявляется в ситуации разлуки. Когда Катерину увозят рожать, Дрынов сообщает теще, что «без Катерины он хуже всякой сироты» [1, с. 16], тоска по ней проявляется «в суетливом и бестолковом буйстве в душе», которое сменяется «тревогой и жалостью к Катерине» [1, с. 19–20]. Во время болезни жены Иван Африканович и сам как будто заболевает: «похудел и оброс», «в руках у него ничего не держится, глаза ни на что не глядят», «осутулился», глубже стала тройная морщина на лбу, пальцы на руках все время чуть подрагивали», а вместе с Катериной возвращается счастье («... И опять все успокоилось в душе – много ли человеку надо?» [1, с. 48]).

Расставание с любимым человеком – утрата части себя самого. Слова «душа», «сердце», «нутро», «грудь» оказываются ключевыми (частотными) в таком описании: Иван Африканович – «почти бежал, волнение опять нарастало где-то в самом *нутре*, около *сердца*» [1, с. 22], «еще с ночи на *душе* было какое-то странное беспокойство, он словно чуял *сердцем*, что сегодня придет Катерина» [1, с. 46]; Катерина – «будто *сердце* чуяло, Катерине стало горько, когда он ушел в гости» [1, с. 38], «почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в *груди*» [1, с. 46] (здесь и далее курсив мой. – С.Г.).

Единение постигается героями не во внешнем речевом выражении и даже не во внутренних монологах, а в бессознательном потоке мыслей, возникающем в состоянии сна, болезни и приближения смерти. Пророческий сон перед приходом Катерины из больницы, в котором Иван Африканович поит жену чистой серебряной водой, передает невыразимое словами чувство героя: он «не смог запомнить, что говорила, помнил только ясное острое ощущение близости Катерины, ощущение ее и его жалости и любви

друг к другу» [1, с. 47]. Прощаясь у того же родника перед отъездом, Дрынов переживает похожее состояние: «взглянул на жену и вдруг весь сжался от боли, жалости и любви к ней», но «ничего не сказал, лишь обнял, оттолкнул, будто с берега в омут оттолкнул» [1, с. 90]. Невозможность осознать неожиданную весть о смерти жены («баба чья-то умерла в вашей деревне») показана автором как физическая реакция организма на боль и отчаяние: «встал, прошел метров двести, остановился. И вдруг *затрясся*, замотал головой, побежал, остановился опять. Потом ноги у него подкосились, он *хряснулся* на дорогу, зажал руками голову, *перекатился* в придорожную траву. Кулаком бухал луговину, *грыз землю...*» [1, с. 99]. В конце повести Белов возвращает читателя к этому физическому восприятию смерти Катерины на ее могиле: «Иван Африканович весь *задрожал*. И никто не видел, как *горе* пластало его на *похолодевшей*, еще не обросшей травой земле» [1, с.126].

Так Белов через внешние признаки переживаний, вещные детали передает мироощущение героев, их внутреннее состояние. Целый комплекс эмоциональных состояний сопровождает отношения любящих друг друга Ивана Африкановича и Катерину: душевное спокойствие и тепло, счастье и радость, когда они рядом; тоска и тревога – в разлуке. «Жить врозь мучительно, тяжело, но вместе – легко и привычно» [5, с. 472].

Объединение мужа и жены в концепции писателя предполагает следование естественному закону продолжения жизни, преемственности и непрерывной смены поколений. Опыт семейной жизни Ивана Африкановича связан с традициями прошлого и отражается в воспоминаниях о ситуациях, связанных с умершими родственниками (матерью, отцом). Прежде всего, это опыт положительный, усвоенный на всю жизнь – почитать и уважать родителей (показателен в этом отношении рассказ Ивана Африкановича о том, как сослуживцы проучили его, чтоб он писал матери с фронта). С другой стороны, это неудачный опыт, хотя и привычный для русского крестьянина, – следовать воле родителей при выборе невесты. Свидетельством тому является и рассказ старика Курова о том, как его отец женил. Не случайно, в ситуации ритуального поведения (сватовство, свадьба) сам Иван Африканович не отступает от этой традиции. Святая Мишку, Дрынов опирается на устоявшиеся представления о хорошей невесте: «Ежели человек сердцем не злой, да люб, да работник...», «Вот Ньюшку возьми... Вот уж девка, и красивая, и работница» [1, с. 12]. Этот устойчивый мотив традиционного выбора по принципу «злая жена – злее зла» [2, с. 76] и «не хвали жену телом, а хвали делом» [2, с. 66] подтверждает автор и в реплике Евстолий: «Мы не хуже их, в нашем роду все были работники» [1, с. 21]. Личный же опыт разочарования в первой «избраннице» корректирует по-

зицию героя: стерпится, да не слюбится, даже если статная, умная и работающая. После утраты любимой жены Иван Африканович на вполне привычный вопрос Мишки («Поди ведь жениться придется» [1, с.107]), подразумевающий женитьбу ради воспитания детей, поддержания уюта в доме, не может ответить даже самому себе, как «теперь и заводить» что-то. Ведь стержнем семейных отношений для него является чувство любви.

Семья в художественном понимании Белова должна иметь сильное женское начало. Катерина – средоточие материнства, гармонии (лада) в семье, в доме и в жизни семьи. Материнская забота проявляется в постоянных думах о детях во время работы, болезни, кратких мгновений отдыха: «...всё ли ладно, здоровы ли ребятишки?» [1, с. 45], «одна пока откололась, Танюшка <...> без родных людей живет...» [1, с. 39]. И в отношении к мужу Катерина ощущает себя как жена и одновременно мать: «Чья и есть, как не твоя, сколько годов об ручку идем, ребят накопили. Все родились крепкие, как гудочки. Растут. Девять вот, а десятый сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое, чего говорить» [1, с. 37]).

Благодаря приему «слияния голосов» автора и героя [3, с. 10], используемому в гомофонической художественной структуре (термин В.Н. Евсеева [4, с. 15]), Белову удается показать проявления глубочайшей внутренней связи матери с детьми («одним затылком почувствовала взгляд» Катюшки [1, с. 93]). Возвращаясь из больницы, Катерина присела на бревно и вдруг до боли в груди «почуяла» присутствие своей дочери Маруси, «бросилась к ней, прижала девочку к себе <...> поправила волосенки, ладонью осушила Марусины слезы и говорила, говорила ласковые тихие слова» [1, с. 46]. Особое единение (телесное и духовное) с младенцем, сосущим материнскую грудь, описано в образах кинестетических («соском чувствовала, как мальчонка улыбается в темноте») и ментальных (через внутреннюю речь матери: «Ешь, милый, ешь, – мысленно торопила она, – видишь, матке у тебя все время-то нет, вон и бежать надо» [1, с. 37]. Состояние матери сразу передается ребенку: «Она, чувствуя, как он успокаивается при ее приближении, тоже чуть успокоилась» [1, с. 91].

Детям не хватает материнского внимания, ведь Катерина целыми днями трудится на ферме. Неразрывная духовная связь с матерью показана Беловым через смену эмоционального состояния ребенка от тоски и тревоги к радости и восхищению: «Ему <Володе> и сейчас хотелось в люльку. Еще ему хотелось, чтобы рядом была мать, и эта тоска, боль оттого, что матери нет рядом, сама собой выливалась в жажду завладеть люлькой... Тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда уходила бабка, ему было и вовсе неловко. Даже не помогало укачивание колыбели» [1, с. 25]. «Упоминание о матери отразилось на Марусином ли-

чике долгой изумленно-тревожной улыбкой. Она словно бы вспомнила, что у нее есть мама, и вся засветилась от радости, восхищенно вздохнула: – Мамушка?» [1, с. 26].

Символическими воплощениями материнства в повести оказываются печь и корова Рогуля. И та и другая – центры крестьянского мира, локализованные соответственно в доме и во дворе. Печь – источник тепла и жизненной силы, хранительница счастья дома и родичей, устроительница внутреннего порядка, «ассоциировалась с культом предков, осмыслялась как место обитания душ» [6, с. 40]. Временное отсутствие хозяйки (отъезд в больницу) сравнивается с «нетопленной печью», дом после смерти Катерины становится «осиротевшей избой». Жизнь Рогули – это отражение жизненного цикла от рождения до смерти. Корова была неотъемлемой частью крестьянского хозяйства, она кормилица («ведерница» – говорит о ней бабка Евстоля), без которой, как и без Катерины, немислимо дальнейшее существование большой семьи («...взяли в приют двойников-то, мясо возил в район да Мишку с Васькой увез на разу, да Антошку в училище сдал, а Катюшку-то, Мишка нишет, чтобы посылали, ежели кто в Мурманское-то поедет...» [1, с. 109]). Точно так же, как прощаются перед смертью с матерью, дети Ивана Африкановича приходят проститься и с Рогулей («Было слышно, как в избе захлеб, горько плакал кто-то из сыновей; глядя на него, заплакал еще один, потом третий...» [1, с. 107]). Утрата сразу двух «кормилиц» приводит к окончательному распаду семьи Дрынова. И именно после этого события впервые возникает вопрос Мишки о женьтибе Ивана Африкановича.

В тексте повести отражается и устойчивое народное представление о том, что ребенок «без отца – полсироты, а без матери и вся сирота» [2, с. 92]. Так, Степановна, идущая навестить Евстолю, видя у реки маленького Гришку, слезно замечает: «Сирота. С эдаких-то годков да без матки...» [1, с. 108].

Связь поколений проявляется в повести прежде всего через женские образы. Сначала мать Ивана Африкановича вмешивается в его жизнь и влияет на судьбу сына. После истории с изменой Катерина вспоминает жизнь в доме свекровушки. Теперь уже около печи всегда бабка Евстоля (мать Катерины, теща Ивана Африкановича), она поддерживает порядок в доме, готовит еду, следит за внуками. Катерина – мать девяти детей Ивана Африкановича, источник надежного заработка («ломит на ферме, всю орду понт-кормит» [1, с. 20]). Предвестие смерти Катерины приносит Евстолю во сне ее покойная бабушка. Так писатель интуитивно воплощает в тексте цепь женских образов, восходящих к древней мифологеме матери-прародительницы.

Непрерывный жизненный цикл, идея преемственности поколений воплощены Беловым в именовании родителей и детей. Новорожденному младенцу дают имя Иван, одна из дочерей носит имя Катерина. Идея жизненного круга, бесконечного, как остановившееся время, вербализована писателем в сравнении двух Иванов: «Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала» [1, с. 36]. Первый покос Катюшки становится последним для ее матери Катерины.

Идея повторяемости, привычного жизненного круга заявлена писателем в самом начале произведения («назовем сына Иваном, хоть и не в мою породу...» [1, с. 23]) и развивается на протяжении всего текста («Снова в деревне протопятся печи, бабы выгонят на траву скотину и, посудачив о Мишкиных и своих делах, уйдут в поле косить на силос, вновь придет на бревна бабка Евстоля с маленьким внучком, напевая, будет греться на солнышке» [1, с. 59]). Однако эта мысль выражается преимущественно в монологическом авторском повествовании («голос автора-рассказчика; авторская мысль охватывает некий сюжет или отдельные ситуации, свободно соотнося сцены и оценки, как бы “вырванные” авторским цепким взглядом из “потока” жизни» [4, с. 14]). И только после смерти Катерины заплутавший в лесу Иван Африканович размышляет о судьбе жены и своей собственной и постепенно в диалоге с самим собой приходит к осознанию жизненного круга («И нет конца этому круговороту... и не будет» [1, с. 123]).

Кольцевая композиция подчеркивает философскую проблематику «Привычного дела». Личность погружена в круговорот природной жизни. Повторяемость природного цикла символизирует стабильные основы и непрерывность обновления жизни человека и рода. С одной стороны, смерть Катерины – нарушение этой гармонии, идеи бесконечности рода, с другой – дети Ивана и Катерины – продолжение естественной преемственности поколений, непрерывности жизненного потока. Так изображается В. Беловым крестьянская семья, живущая по законам эпически-природного, циклического времени.

Литература

1. Белов, В.И. Привычное дело // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. / В.И. Белов. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – Т. 2.
3. Дворянова, Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960–1970-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Дворянова Н.В. – М.: [МОПИ], 2008.

4. Евсеев, В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Евсеев В.Н. – М.: [МГПИ], 1989.
5. Митрополит Суражский Антоний. Труды. – М.: Практика, 2002.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4.

Т.Н. Воронина
ВоГУ, г. Вологда

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Оппозиция «деревня – город» является одним из стереотипов «деревенской» прозы, реализованным в пространстве результатом художественного осмысления процесса отчуждения человека от земли в XX веке. Для данного противопоставления характерно понимание города и села не просто как принципиально разных образов жизни, но и как полярных типов этики и эстетики. Такое размежевание авторы деревенской прозы (В. Белов, Ф. Абрамов, В. Распутин, отчасти В. Шукшин и др.) связывают с разрушением (часто злонамеренным) традиционного уклада русского крестьянина. В одном из самых значительных произведений В.И. Белова, повести «Привычное дело», стоящей у истоков названного тематического течения в отечественной литературе, подобная пространственная поляризация начинает обретать свои формы.

Герой Белова – человек на земле, крестьянин (в настоящем или в недавнем прошлом). Авторский голос нередко переплетается с голосом персонажа, но даже при дистанцировании от последнего повествователь не выходит за рамки пространства героя. Этими факторами задается устойчивое восприятие деревни и города через призму «свое – чужое», при этом деревня в текстах Белова – всегда «свое», исходная точка этической и эстетической оценки бытия. Как «свое» сельское пространство наделяется осмысленностью, структурированностью, детализованностью, цельностью. Целостность и гармония «своего» связана в мировидении Белова с этически-эстетической категорией «лад», сформулированной писателем в одноименном очерке: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» [1, с. 281]. Лад подразумевает милосердие по отношению к природе, к земле, чувство

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).